

*Брюсу,
моему мастеру на все руки*

Целуй меня, любовь моя,
Тоскуй по мне, любовь моя,
Но горьких слез не лей.

*Ирландская
народная песня*

Глава 1

Ирландия — страна поэтов и сказителей, мечтателей и бунтарей. Все в ней пронизано музыкой: танцевальными мелодиями, грустными балладами, воинственными маршами и лирическими напевами. В старину арфисты бродили от селения к селению, играя за еду и кров, а если повезет, то и за мелкие монеты. Бардов и сказителей — сеначаис — радушно принимали в любом доме, на постоялом дворе и у ночного костра. Их дар высоко ценили даже в эльфийских жилищах под зелеными холмами.

Так повелось с давних времен.

Однажды в тихую деревушку у моря пришла сказительница и встретила самый теплый прием. И нашла там свой дом и свою любовь.

И жил среди них арфист. Он думал, что счастлив, однако любви своей еще не нашел.

В голове у него всегда звучала музыка. То тихая, мечтательная, словно шепот возлюбленной, а то задорная и громкая, будто старый приятель кличет тебя в паб на пинту пива. Нежная, яростная или полная отчаяния музыка всегда звучала у него в голове и дарила радость.

Жизнь вполне устраивала Шона Галлахера. Правда, кое-кто считал, что Шон не желает покидать царство грез и мало интересуется тем, что происходит в реальной жизни. Он с этим не спорил. Его мир состоял из музыки, родных, дома и друзей; остальное было далеко.

Многие поколения Галлахеров называли своим домом ирландскую деревушку Ардмор, что в графстве Уотерфорд. Семья испокон веков держала здесь паб — по-домашнему уютное заведение, где можно выпить кружку пива или стаканчик виски, вкусно поесть и насладиться дружеской беседой.

Не так давно родители Шона обосновались в Бостоне, а семейное дело перешло к его старшему брату, Эйдану. Шона это более чем устраивало: он не стыдился признать, что не имеет ни деловой хватки, ни желания ее обрести. С него хватало кухни — готовить он умел и любил.

Пока Шон выполнял заказы и придумывал меню, из зала доносилась его любимая музыка, а иной раз она просто звучала у него в голове.

Порой, когда он готовил жаркое или делал сэндвичи, на кухню врывается младшая сестра Дарси, самая неугомонная и честолюбивая из семейства, и затевала перепалку.

Но это лишь придавало изюминку его жизни.

Шон с удовольствием помогал обслуживать столики, особенно когда играла музыка или начинались танцы. А после закрытия не забывал наводить чистоту, ведь у Галлахеров всегда все сверкало.

Он любил размеренное течение жизни в Ардморе — плеск волн о скалы, переливы зеленых холмов, что катятся к темным горам. Тяга к стран-

ствиям, которой славились остальные члены семьи, обошла его стороной, Шон крепко врос корнями в песчаную почву Ардмора.

Его не влекли путешествия, как старшего брата Эйдана, уже повидавшего мир, или Дарси, пока только мечтавшую о дальних странах. У него было все, что нужно для жизни, и он не собирался менять точку зрения, хотя не так давно ему пришлось это сделать.

Всю жизнь из окна спальни Шон видел море — пенный прибой, набегающий на песок, синюю гладь, усеянную рыбацкими лодками, переменчивую стихию во всех ее настроениях — от шторма до полного штиля. Каждое утро, распахивая окно, он вдыхал свежий морской запах.

А прошлой осенью, когда Эйдан женился на симпатичной американке Джуд Фрэнсис Мюррей, в жизни Шона произошли некоторые перемены. По старой семейной традиции родовое гнездо доставалось первому из Галлахеров, кто свяжет себя узами брака. Поэтому Джуд с Эйданом, вернувшись из свадебного путешествия в Венецию, переехали в просторный семейный особняк на краю деревни.

Получив возможность выбирать между комнатами над пабом и небольшим коттеджем, принадлежавшим родне Джуд по линии Фицджеральдов, Дарси остановилась на первом варианте. С помощью уговоров и шантажа она заставила Шона и остальных, кого смогла обвести вокруг своего прелестного пальчика, превратить спартанское жилище Эйдана в маленький дворец.

Шон и тут не возражал. Ему больше нравилось благословенное спокойствие домика на эльфий-

ском холме, откуда открывался чудесный вид на утесы и сады.

Его не смущал даже призрак женщины, бродившей по дому. Шон не сомневался, что она где-то здесь, хотя пока ни разу ее не видел. Леди Гвен тосковала по своему возлюбленному-эльфу, которого в свое время отвергла, и терпеливо ждала, когда спадет заклятие, и оба обретут свободу. Шон прекрасно знал историю юной девы, обитавшей в этом самом коттедже на холме триста лет назад.

Вместо того чтобы открыть свое сердце и признаться в любви, принц эльфов Кэррик показал Гвен, какая роскошная жизнь ее ждет. Трижды подносил он красавице серебряный кошель с драгоценностями: сначала бриллианты, рожденные в солнечном огне, затем жемчуга, в которые превратились слезы луны, и, наконец, сапфиры, вырванные из сердца моря.

Однако девушка, сомневаясь в его любви и не веря в судьбу, отказала эльфу. Как гласит легенда, драгоценности, брошенные Кэрриком к ногам возлюбленной, превратились в цветы на пороге ее дома.

«Теперь почти все цветы спят, — подумал Шон, — их убаюкала зима холодными ветрами с моря».

Над застывшими голыми скалами, где, как гласила молва, часто бродила красавица Гвен, нависли тяжелые грозовые тучи. Буря медлила, словно выжидала.

Утро выдалось зябкое; ветер стучал в окна, норовя выстудить дом. В очаге полыхал огонь, на плите кипел чайник, и Шону ветер не мешал. Сидя

в теплой кухне, он слушал победную музыку ветра, грыз печенье, запивая чаем, и сочинял стихи на недавно придуманную мелодию.

Работа в пабе начиналась только через час, однако Шон включил таймер на плите, а для подстраховки завел еще и будильник в спальне. Некому было вырвать одинокого мечтателя из мира грез, и он частенько забывал о времени.

Эйдана его опоздания раздражали, а Дарси получала лишний повод поупражняться в остроумии, поэтому Шон всегда старался прийти вовремя. Беда в том, что, увлекшись музыкой, он мог не услышать ни таймера, ни будильника и все равно опаздывал.

Вот и сейчас он полностью погрузился в недавно сочиненную песню о любви, юной, дерзкой, переменчивой, словно ветер, и прекрасной в каждом мгновении. «Танцевальная мелодия, для которой нужны быстрые ноги и море кокетства», — подумал Шон.

Он решил, что сыграет новую композицию в пабе, когда получше отшлифует, а если еще уговорит Дарси спеть... Ее задорный голос прекрасно подойдет к настроению этой песни.

Шон так уютно обосновался на кухне, что поленился перейти в гостиную к старому пианино, купленному после переезда. Придумывая слова и отбивая ритм ногой, он не услышал громкого стука в парадную дверь и топота башмаков в прихожей, за которым последовали сдавленные ругательства.

«Шон в своем репертуаре, — подумала Бренна. — Опять унесся в грезы, забыв о реальности. Зачем я вообще барабанила в дверь, если этот меч-

татель все равно ничего не слышит и мы с детских лет привыкли заходить друг к другу без стука?»

Ну они давно уже не дети, и лучше постучать, чем наткнуться на картину, не предназначенную для чужих глаз. Вдруг он не один? Все может быть. Девушки слетаются к нему, как мухи на мед. Конечно, не такой уж он и мед, хотя бывает милым, когда захочет... И чертовски красив.

Бренна тут же возненавидела себя за прокрававшуюся в голову мысль.

Черные как смоль, слегка взлохмаченные волосы — он вечно забывает причесаться. Мечтательные голубые глаза, когда он спокоен. А если чем-то взволнован, в них сверкают лед и пламень. Длинные темные ресницы, за которые каждая из четырех сестер Бренны не раздумывая отдала бы душу, и полные, твердо очерченные губы, словно созданные для долгих поцелуев и нежных слов. Ей не довелось убедиться в этом лично, однако слухи ходили.

Нос у Шона чуть длинноват и слегка искривлен. Это она зарядила ему бейсбольным мячом больше десяти лет тому назад. В общем, Шон похож на ожившего сказочного принца, или на доблестного рыцаря в поисках приключений, или на слегка растрепанного ангела. Высокий, жилистый, с крупными ладонями и длинными пальцами художника, а бархатный голос — словно виски, копченый на торфяном огне.

Ей все это совершенно безразлично, просто нравятся красивые вещи... О господи, какая же она лгунья! Себя-то зачем обманывать? Бренна втрескалась в Шона еще до того удара бейсбольным

мячом, ей едва исполнилось четырнадцать, а ему тогда было девятнадцать. За десять лет детская влюбленность переросла в более серьезное и пылкое чувство. Жаль только, старый друг никогда не видел в ней женщину. Ну и черт с ним! Некогда грезить о Галлахере и ему подобных: работы полно. Придав лицу насмешливое выражение, Бренна изо всех сил грохнула об пол металлическим ящиком с инструментами. Ее очень повеселило, что Шон подпрыгнул от неожиданности, точно кролик от ружейного выстрела.

— Господи! — Он развернулся, скрипнув стулом, и хлопнул себя ладонью по груди, словно пытаясь запустить остановившееся сердце. — Что случилось?

— Ничего, — усмехнулась Бренна, поднимая многострадальный ящик. — Инструменты уронила. Испугался?

— Чуть сердце не остановилось.

— Я стучала, а ты не соизволил подойти к двери.

— Не слышал. — Шон громко выдохнул, откинул назад волосы и хмуро уставился на Бренну. — Если пришла О'Тул, значит, у меня что-то не в порядке, верно?

— С головой у тебя не в порядке: провалы в памяти. — Бренна стянула куртку и бросила на стул. — Твоя духовка уже неделю не работает. Вчера прислали деталь, которую я заказывала. Чинить или нет?

Шон что-то промычал и указал рукой на плиту.

— Печенье? — удивилась Бренна, проходя мимо стола. — Отличный завтрак для взрослого мужчины!

— Ну оно вкусное, с чаем вполне. — Шон улыбнулся так, что Бренне захотелось его обнять. — Нео-